

ки, их так много тут, что если их остановить, то и в итоге на Сибирь не выйдут, они сами должны нас беречься, чтобы не раздавить, они за это платят... .

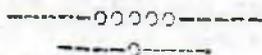
— „Ау, а как же ты, — спрашиваю — обиделись с ним, ведь он хотел скандалить“?

— „А ему ничего не сказал, а только ткнул пальцем в ухо, указав на язык и развел руками; он увидел, что перед ним глухо-немой, махнул рукой и укатил“... .

И увидел, что мой старикшик царень с козлом и эри не пропадет... .

Все это, конечно, забавно, правильно и хорошо, что друг друга не забываем и обычай свои национальные не бросаем. А все таки раз'ездивать надо реде и угощаться поменьше, ибо времена уж очень трудные настали. Ведь не прочных работников в первую голову сокращают.

Десни, Франция.

АЛД МАНЧНОВ.

О КРИЗИСЕ.

В предыдущем номере „Сызынских Волн“ я излагал, преимущественно, различные толкования специалистов о причинах, вызвавших нынешний грандиозный всемирный кризис, распространившийся почти на все виды хозяйственных предприятий. Ученые и специалисты продолжают спорить о причинах кризиса, делают свои выводы о конце его, но кризис идет своими путями и, расширившись в глубину и ширь, захватил в данный момент решительно все страны мира. Безработные исчисляются миллионами, фабрики и заводы продолжают закрываться, земледельческий труд перестает оправдывать себя, торговля замирает, банки пустеют и начинают там и здесь колебаться цена денег. Необходимость государственных властей заботиться о своих безработных опустошает казну, а неудовлетворительное обеспечение рабочих хлебом и кровом грозит внутрисоциальными осложнениями... .

А выход еще не найден; мало того, многие начинают терять веру в то, что он вообще будет найден и что кризис будет ликвидирован человеческим умом и энергией раньше того времени, когда доведенное до безвыходного тупика человечество не найдет какого-нибудь стихийного выхода, даже, может быть, путем коренных перемен в доселе существовавших способах хозяйствования.

Интересны в этом отношении мнения двух специалистов, лекторов по политической экономии в Пражской школе политических наук о современном кризисе, которые я и постараюсь здесь, хоть конспективно, изложить.

По мнению одного из них (редактора экономического отдела одной из больших газет в Праге), этот кризис, по своему характеру, ничего общего не имеет с обычными, так называемыми „периодическими“ промышленными кризисами, которые, обычно, возникали приблизительно раз в десятилетие на почве превышения предложения товаров над спросом на них. В этом случае увеличение предложения товаров фабрично-заводской промышленности влекло за собой их удешевление. Это удешевление заставляло сокращать производство их и распускать часть рабочих. Но, так как, безработица в этом случае касалась только части фабрично-заводских рабочих, не затрагивая остальных классов населения, то это же самое удешевление товаров увеличивало возможность потребления, т.е. увеличивало спрос, а отсюда — опять повышалось производство, рабочие принимались вновь и кризис, само собой, через некоторое время, проходил, не внося больших разрушений.

Нынешний кризис отличается тем, что он захватил все виды и отрасли производства: фабрично-заводского, земледельческого, финансовое хозяйство, ремесленное и проч. Поэтому, он имеет в основе, в качестве причин, различные факторы и поэтому же разнообразны и шире его отзвуки.

По определению этого лектора, нынешний кризис — „структуральный“, т.е. причиной данного кризиса является кризис современной структуры хозяйства и стро обдечеловеческой жизни вообще. По его мнению, мы присутствуем при кризисе индивидуалистического (одиночного) способа хозяйствования. Он обращает внимание на то, что в наше время почти нет ни одного более или менее крупного предприятия, принадлежащего только одному владельцу, а все более или менее крупные предпри

гии является собственность коллектива с тем или иным количеством человек, что увеличивает денежную силу предприятий и при этом усложняется совершенствование машин, вытесняющих рабочие руки и во много десятков раз увеличивающих выработку с одной стороны, и резкие изменения в условиях человеческой жизни, с другой, создают этот небывалый кризис.

Он обращает внимание, например, на то, какое громадное значение имеет улучшение и ускорение способов перевозки, давшая возможность, в сравнительно короткий срок, перебрасывать с любого конца земного шара куда угодно все лучшие виды овощей и фруктов, не считаясь с сезоном, которые, будучи доступными по цене самым широким слоям, вытесняют, по крайней мере, сокращают употребление хлеба, а в это время производство его, благодаря тем же машинам и способам удобрения, во много раз увеличилось. Последнее ведет к земледельческому кризису, т.е. уменьшилась покупательная сила большей половины человечества, которая занята земледельческими трудами. Это, в свою очередь, способствовало кризису в промышленности, а это вело к кризису в финансах, откуда загромождение капиталистами своих капиталов, т.е. хранение или своих денег без оборотных движений...

Всё прочее, как на одну из главных причин в темпильной промышленности он указывает... на давку современную моду — носить короткое белье и платье. Он предлагает вспомнить какие платья, т.е. сколько метров материи носили на себе наши матери и подсчитать сколько носить женщина теперь. Разница получается почти на два метра на человека. Это значит, что половина культурного человечества почти наполовину уменьшила употребление материи. И это не есть следствие каприза моды, ибо по моде одеваются ничтожный процент женщин, а современные условия жизни самих женщин, принужденных наравне с мужчинами бороться за существование — работать, учиться, заниматься спортом и т.д. в это время совершенствование машин, при меньшем числе рабочих рук, вырабатывает все большее и большее количество миллионов метров.

Обулирова всё эти причины и вызывая их характер, автор приходит к выводу, что причины эти неустранимы (напр., нельзя заставить женщин носить платья наших бабушек, нельзя уничтожить все машины), а поэтому выход — в том, чтобы размеры производства приспособить к требованиям, т.е. государству придется взяться за руководство производством и распределением. Как видит читатель, социалистическое хозяйствование считается, при этом, неизбежным для ликвидации кризиса...

Всёем много мнения держится другой автор, который является одной из крупных величин финансово-экономической науки Чехии. По его мнению все то, что причину современного кризиса видит, в любви, наставшей: кроме капитализма, частно-капиталистического способа организации общественной хозяйственной жизни человечества и обидает, любви грядущее, торжество социализма, глубоко ошибается.

По его мнению, кризис только потому и настал, что нет настоящего капитализма, нет настоящего, свободного капиталистического хозяйствования, нет свободы частной инициативы, нет свободной конкуренции, нет свободного найма и свободной торговли, которые являются неотъемлемыми признаками капитализма. Настоящий капитализм означает, что каждый капиталист где угодно мог бы открывать свои предприятия, торговать где угодно, беспрепятственно сбывать свои товары, где угодно и кого угодно нанимая на основе частного соглашения между работодателем и рабочим, что угодно и куда угодно ввозить и вывозить. Это исключило бы: перепроизводство, резкие контрасты в ценах на товары в отдельных государствах и в смысле труда рабочих. Всего этого нет в современном устройстве, все это ныне сказано различными политическими законами, запретительными мерами против ввоза и вывоза, контролем государственной власти и профессиональных организаций рабочих (проф. союзы) и предпринимателей (тресты и синдикаты), которые ведут к искусственным ценам, как на рабочие руки, так и на производственные предметы. Профессиональные организации не допускают снижения заработной платы, предпочитают регистрировать безработных, что не позволяет предпринимателям удешевлять товары, а тресты и синдикаты предпочитают хранить товары на складах, чтобы держать на одном уровне цены на них...

Внешний способ хозяйствования выродился, переходя к двум крайностям: капитализму и социализму, явился компромиссным периодом. Этот период он называет „интервеннистическим“, т.е. таким, в который государственная власть и организации рабочих и предпринимателей делают интервенции, т.е. вмешиваются и парализуют свободную циркуляцию, как капитала, так и труда, свободному сложению рынка, свободному образованию спроса и предложения. Миф в результате этого вмешательства ства возмозно то, что безработный в Америке живет лучше, чем работающий в Европе, а безработный в Европе живет лучше, чем работающий в Китае, а, например, сахар во Франции вдвое дешевле, чем в Венгрии. В результате этих вмешательств, капиталист не может свободно оперировать капиталом, а рабочий своим трудом, а торговец товаром и т.д. Эта двойственность, это сидение на двух стульях современно го человечества в своем хозяйствовании и создало кризис. В спасительность социализма этот лектор не верит. Он предсказывает экономике Сов.России, которой лобят козырять социалисты, еще более грандиозных крахов, чем в Европе, да и нынешнее состояние там ничуть не лучше, чем здесь. Он выражает уверенность, что этот „интервеннистический“ способ хозяйствования дойдет в этом кризисе до конечного тупика и человечество, волей-неволей, повернет на путь настоящего свободного капиталистического хозяйства, что и положит начало ликвидации сегодняшнего кризиса.

Таким образом, по выводам этих двух специалистов, причины современного кризиса кроются не только в факторах чисто экономического характера, но гораздо шире - в факторах социально-политических, а следовательно и выходы будут найдены не только путем экономических мероприятий, но и социально-политических.

Приняв своей ученической беспристрастности, и лично, не могу не отдать должного внимания логической убедительности последнего разбора и его выводов. Но в обоих случаях видно, что до конца кризиса еще неопределенно далеко.

-----0000-----
-----000-----

Д.Д.

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Несмотря на двенадцатый год эмиграции, за которую последняя должна была бы окончательно определиться, отсестая в смысле установлении того или иного твердого отношения к коммунистической власти на территории С.Рос.и Америки, вопрос о возвращении из среды калыцкой эмиграции все еще может предметом обсуждения.

Возвращению с первых же годов повлило среди нашей эмиграции и, то затикал, то вновь оживлялся, продолжает держаться в ней. Оно имеет свои глубокие, экономические, политические, национальные и семейные причины, исследование которых представляло бы значительный интерес. Однако, задача данной заметки не в этом, а в выяснении нашего отношения к самому вопросу. Правда, это мы делаем не впервые и наше отношение не разнится от прежних наших утверждений. Оно было и есть резко отрицательным. Но мы считаем своим долгом после каждого раза, когда возвращенство вынуждает на нашей среде то или иное количество очередной жертвы, повторять и доказывать гибельность и необдуманность такого шага.

Мы видим, знаем, что наше положение здесь, в эмиграции, делается с каждым годом труднее; каждый из нас стареет, дни молодости проходят лучше годы вне семейной жизни, нет здесь ни привычного труда, ни образа жизни по нашим вкусам, глотает тоска по нормальной жизни... Но, несмотря на это, возвращение не есть выход из положения, а, по глубокому нашему убеждению, только ухудшение. Там, ко совласть, нет не только относительного материального благополучия, не только в этом отношении хуже, чем здесь, но уезжающие туда попадают, в довершение этого, в условия тяжелого морального гнета, в канцелярской духовной несволи.

Здесь каждый из нас, боясь опять, удержив, что за ночь его не арестуют, без причины не обыщут, в тюрьму не отправят, на принудительный тяжелый, даровой труд не шикуют; здесь каждый из нас, не стеснясь может носить, что только может, кушать, что только доступно его карману и т.д.. Но всего этого „така“ нет.

Поэтому мы продолжаем считать возвращенство для всех слоев нашей эмиграции гибельный шаг. Ведь одно то, что Сов.России единственным в свете страха, не ко-